

Тина Шеху

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тина Шеху

12 Секс подвигов Гераклии

«Автор»

2026

Шеху Т.

12 Секс подвигов Гераклии / Т. Шеху — «Автор», 2026

Двенадцать чудовищ. Двенадцать ночей. Одна проклятая богами женщина. Гераклия не убивает врагов, она укрощает их. И после каждого подвига оставляет себе трофей. Шкуру, рог, пояс, семя...

© Шеху Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Немейский лев	5
Глава 2. Лернейская гидра	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тина Шеху

12 Секс подвигов Гераклии

Глава 1. Немейский лев

— Выходи, лев! Или ты боишься женщину?

Древняя долина, затерянная между скал, дышала жаром, словно сам Аид приоткрыл врата из-под земной тверди. Гераклия медленно шагала по выжженной земле. Её золотистая кожа блестела под любопытно подглядывающим солнцем. Проклятие Геры жгло девушку изнутри, с каждым шагом в груди разгоралось пламя, напоминавшее о незавидном бремени, и стоило девушке вдохнуть этот сухой воздух, как огонь разгорался ещё сильнее. Гераклия искала Немейского льва. Не обыкновенного зверя, а химеру в облике мужчины, чьего рёва было достаточно, чтобы свести воинов с ума задолго до смерти.

Жестокость Эврисфея не знала границ. Отправлять молодую девицу, дочь Зевса, выкормленную молоком самой Геры, в обитель чудища — безумие! Разве родство с богами даёт кому-то право обрекать молодую женщину на верную смерть? Эврисфею было всё равно, он будет доволен любому исходу. И ещё двенадцать лет ей предстоит служить этому слабому и жадному человеку, выполнять его желания и капризы, что часто бывают чересчур глупыми и похотливыми.

— Ты пришла сражаться или дрожать? — эхо смеха прокатилось меж колонн давно разрушенного храма, что застыл среди кривых скал.

Гераклия сжала меч. Перед ней, из тени, возникла фигура — мужские прямые изгибы, обрамлённые длинной гривой золотых волос, огромный половой орган, свисающий едва ли не до колен, когти вместо ногтей, глаза, как два угля в пепле. И морда. Морда настоящего хозяина прайда. Волосатая, грубая, звериная.

Мужчина двигался, как ловкая кошка, но его мужественный голос обвивал разум губительным громом.

— Дочь Зевса? — он показушно принялся к девице напротив, обнажая мощные клыки.

— О чём ты говоришь, чудовище? — на миг потерялась Гераклия, но только сильнее сжала клинок меча. Чудовище отвлечено разговором, значит, можно напасть. — Ты знаешь, зачем я здесь.

— Знаю, — лев подходил ближе, надвигаясь на девушку. Огромный, первобытный, длинноволосый. — Вы все приходите за моей шкурой. Жалкие смертные. Поиграем?

Гераклия мотнула головой. Ей неинтересны разглагольствования. Она подняла меч и с размаху нанесла удар в шею льву, но что-то пошло не так. Металл зазвенел, и лезвие с треском рассыпалось, не оставив на химере даже раны.

Девичье сердце пропустило удар.

Первая атака льва была стремительной. Когти впились в плечо Гераклии, но та, рыча, отбросила химеру. Кровь смешалась с потом, и странное тепло разлилось по телу.

Лев засмеялся.

— Ты чувствуешь это? Желание? Стоило тебе сделать шаг в моё логово, как я ощутил жгучую страсть. И, признать, не ожидал, что ты будешь так хороша.

— Какое желание? О чём ты говоришь, лев?!

Гераклия напала снова, уже вскинув лук. Стреляла, но стрелы отскакивали от крепчайших мускулов, поэтому ей оставалось лишь наваливаться на машину с кулаками. Она наносила удары, используя всю свою силу, но они оказались бесполезны.

Лев взревел от восторга. Его забавляла агрессия девушки. Он гордился, что, наконец, к нему забрёл достойный соперник, да ещё и настолько привлекательный. С каждым бессмысленным ударом Гераклия слабела, а её дыхание сбивалось. Лев же не почти дрался, он игрался, наслаждался, танцевал. Его касания, когда он перехватывал её руки, оставляли на коже не царапины, а мурашки, а его взгляд заставлял проклятие Геры разгораться в груди нестерпимым жаром.

Девушка не знала, что делать. Всю жизнь её учили сражаться со смертными существами, ощущать ярость и гнев в кулаках, а со львом ничего не помогало. Он только ехидничал и сдирал с Гераклии броню и одежды, словно забавляясь её беспомощностью.

Внезапно химера обвил мощной ногой талию Гераклии, лишая её последней возможности сопротивляться, а его губы приблизились к женскому уху.

— Почему ты боишься? Почему до сих пор сражаешься? Ведь ты хочешь не убить меня... а стать моей. Хочешь, смертная, подчиниться? Чтобы я взял тебя? Взял тебя.

Лев лишь истошно рычал, но Гераклия понимала каждое слово чётко, будто он говорил на греческом. Говорил, продолжая напирать.

Гераклия замерла, прижатая к теплому камню весом этого исполинского тела. Она чувствовала, как её собственное сердце бьется о его мощную, обросшую густой золотистой шерстью грудную клетку.

Впервые в жизни её божественная сила, способная крошить скалы, оказалась бесполезной. Кулаки не оставляли следов, меч рассыпался прахом.

— Ты проиграла, дочь громовержца, — прохрипел Лев прямо ей в губы. Его морда казалась устрашающей и в то же время завораживающей. Такие мужчины ещё не встречались ей на пути. Звериный оскал, черный влажный нос и огромные янтарные глаза, в которых полыхал не просто голод хищника, а нечто человеческое. — Твоя сталь мусор. Ты уже стала моей.

Его шёпот волной прошел её от уха до самого низа живота.

«Уже стала моей».

Гераклия ощутила, как неизвестная ранее дрожь растекается по телу быстрее, чем кровь из раны на плече. Пламя проклятия Геры полыхнуло в груди, но теперь оно не обжигало, а текло вниз, горячей лавой стягиваясь в тугую узел внизу живота.

И Гераклию озарило мыслью. Зверя не одолеть клинком, но зверя можно приручить, оседлав его собственную похоть.

Это не то, чему она обучалась все годы жизни, не то, к чему была готова. Но именно сейчас, в момент опасной близости с врагом, поняла, иногда нужно воспользоваться хитростью. И её проклятое тело с радостью принимало подобные идеи.

Лев рыкнул, наслаждаясь замешательством, и одним движением когтистой ладони сорвал остатки её лифа. Медные пластины со стуком упали на выжженную землю.

Обнажённая грудь Гераклии вздыбилась, соски мгновенно затвердели от обжигающего воздуха и близости зверя. Монстр шумно втянул воздух, и его львиная морда исказилась подобием ухмылки.

— Твоё тело честнее твоих кулаков, дочь Зевса...

Он прижал её к шершавому камню разрушенного алтаря, и Гераклия кожей ощутила вековую прохладу, смешавшуюся с жаром мужского торса.

Его руки, почти человеческие, но увенчанные смертоносными когтями, прошли по женским бёдрам, сминая лёгкую медную юбку. Он не царапал, он ласкал, и каждое прикосновение отзывалось в ней новым витком того самого первобытного жара. Пальцы льва скользнули под подол совсем бесцеремонно, по-хозяйски раздвигая складки её плоти, и Гераклия, не сумев сдержаться, издала стон. Совсем не болезненный. Так не стонут в разгар битвы, так благодарят любовника тёмной ночью.

— Вот так, — выдохнул лев, проникая пальцами глубже, нащупывая самое горячее и влажное место на женском теле. — Ты создана не для меча, а для этого.

И тогда она позволила себе сдаться. Но не льву, а собственному желанию. Она перестала зажиматься, напрягать мышцы, и вместо этого подалась бёдрами вперёд, насаживаясь на чужие пальцы. Её руки, до того бесполезно молотившие по его стальным мышцам, взметнулись вверх и зарылись в золотую гриву. Она дёрнула пальцами, заставляя львиную голову запрокинуться, открывая горло, которое не смогла бы пробить мечом. И пока лев удивлённо рычал, Гераклия впиалась в его шею то ли поцелуем, то ли укусом. Она не ведала, что творит, тело само вело её губы.

Лев взревел и, подхватив девушку под ягодицы, рывком поднял над землёй. Его возбуждённая плоть упёрлась в её лоно. Но вошёл он не сразу, он тёрся об неё, растягивая муку. И дышал так тяжело, словно загнанный бык.

— Трусишь, лев? Или ты львёнок?

Гераклия обхватила его талию ногами и, глядя прямо в его мерцающие злобой глаза, сама насадилась до упора.

Мир разлетелся искрами. Лев заполнил её целиком, без остатка, разрывая границы возможного.

Лев на миг застыл, потрясённый её дерзостью, а затем начал двигаться. Резко, мощно, вколачивая девушку в древний камень, словно стремясь выбить из неё саму жизнь. Вверх-вниз, вверх-вниз.

— Девка... ответишь...

Его рёв сотрясал долину, эхо билось между скал, а Гераклия только стонала в ответ, царапая мужские плечи, погружённая в невиданное удовольствие.

Лев входил глубже, быстрее, сильнее, заставляя девушку чувствовать то, что не пережила бы ни одна смертная. Обычная девушка бы погибла, раздавленная звериным напором, а не наслаждалась бы, как огненноволосая героиня. Её вспотевшие локоны липли к звериной гриве так, что уже было невозможно понять, чья прядь лезет в приоткрытый рот Немейского льва.

Но в бешеном ритме полубогиня не теряла себя. Наоборот, пламя внутри неё только разгоралось. С каждым движением узел внизу живота скручивался всё туже, и она чувствовала, что хищный химера уже не охотник, а жертва собственного желания. Его дыхание сбивалось, рык становился хриплым, он тонул в похоти и не мог остановиться. Немейский Лев, легендарный зверь, продолжал брать девушку, будто бы последний раз в жизни. Будто бы чувствовал, что вся его мощь исчезнет, стоит его члену выйти из горячего тела.

А Гераклия только и ждала этого момента. Когда ритм чуть сбился, она резко толкнула его в грудь и, воспользовавшись секундным замешательством, повалила его на землю, оседлав сверху.

Теперь она возвышалась над ним. Её волосы рассыпались по плечам, а лев тут же попытался ухватиться за девичьи волосы.

Медная юбка, всё ещё болтавшаяся на одном бедре, звякнула при движении. Гераклия упёрлась ладонями в поросшую короткой шерстью грудь, чувствуя, как бешено колотится под рёбрами звериное сердце. И медленно, мучительно медленно начала двигаться сама, задавая собственный темп. Плавный, глубокий, выматывающий. Она глядела на перекошенную удовольствием морду, отпускала взгляд к своим бёдрам, удивляясь, как плавно покрасневший член входил в её тело, как бился его лобок о её.

— Кто теперь чья добыча, лев? — выдохнула Гераклия, сжимая член внутри себя, как научилась не в битвах, а в долгие ночи, слушая рассказы храмовых гетер о тайне женской власти над мужчинами.

— Хороша... смертная очень хороша...

Его ответом был скулёж. Самый настоящий, жалобный скулёж, сорвавшийся с львиной пасти. Его когти скребли камень, не в силах причинить ей вред, а огромное тело выгнулось дугой, безоговорочно признавая её превосходство. Лев не мог двигаться, не мог сражаться, ему оставалось лишь отдавать себе без остатка и терпеть эту манящую истому.

Завороженный движениями женской груди, словно маятником, Немейский монстр прикрыл глаза.

Гераклия нарастила темп, давая волю своей собственной страсти. Она откинула голову назад, но не разрешила себе зажмуриться. Она должна была видеть, что делает с легендарным монстром. И наслаждаться своей властью. От ощущения собственного превосходства, она в блаженстве покусывала собственные губы.

Лев так смиренно лежал под ней, задыхаясь стонами и дрожью, что Гераклия не выдержала. Это зрелище слишком сильно щекотало нервы, чтобы остаться равнодушной. Она ударила льва в грудь, громко застонав, и сжавшись вокруг мужского члена. И вместе с её криком мир закачался. В пустынной долине поднялась буря. А если бы кто-то из сплетённой пары поднял взгляд к небу, заметил бы недовольно сверкнувший взгляд царицы богов. Гера и подумать не смела, что ненавистная девица подчинит проклятие и сумеет использовать в своих целях.

Лев заревел так, что с ближайшей скалы сорвался камнепад, и излился в девушку обжигающим потоком. Его тело содрогалось под ней в агонии наслаждения, морда застыла в оскале, а мерцающие похотью глаза начали тускнеть. Зверь потратил слишком много сил, и теперь желал уединения.

К счастью для себя, Гераклия почувствовала чужую слабость мгновенно: хватка его лап ослабла, мышцы обмякли. Пламя внутри неё, наконец, утихло, сменившись тишиной и мягким удовольствием.

Тяжело дыша, Гераклия слезла с поверженного хищника и поднялась на ноги. Тело ныло от сладкой истомы и ранений, но в груди теплился триумф.

Пока Немейский Лев перекатывался с одного бока на другой, размазывая по животу остатки семени, Гераклия уже шагала по земле. У основания разрушенного алтаря она отыскала осколок своего меча. Сломанное, но добротное лезвие всё ещё хранило остроту.

Гераклия хмыкнула. Она искала легендарное чудище месяцами не просто так. И пусть Лев оказался любопытным любовником, у Гераклии была цель. Самая важная цель всей её жизни — выполнить гадкие задания Эврисфея.

Склонившись над телом противника, она сделала надрез вдоль позвоночника, от основания гривы до поясницы.

— Что ты?! — Лев, ещё не пришедший в себя от оглушительного оргазма, попытался задержать локтем клинок, но Гераклия впечатала сандалию ему в нос.

— Прими поражение с достоинством.

Шкура с тихим треском отделилась от мощных мускулов. Это была не просто шерсть: она замерцала в лучах заходящего солнца, будто отлитая из старых золотых монет. Тяжёлая, но удивительно мягкая.

— Тварь. Смертная тварь! — Лев ревел, хватался за плечи, вращался в грязи, но девушка больше не собиралась оборачиваться.

Гераклия встряхнула трофей и накинула на плечи, словно плащ, крепкий и непробиваемый. Теперь удары меча не заденут её спину.

Первый подвиг был завершён, и теперь она должна доказать Эврисфею, что способна на геройства.

Поправив трофей, она вновь отправилась в путь, по дороге усмехнувшись, что несёт в себе семя побеждённого врага. Оно стекало по бёдрам, вынуждая иногда останавливаться, чтобы протереть его каким-нибудь лопухом.

«Много семени у чудовища», — думалось героине. — «Гетеры говорили, что его можно наносить на кожу, чтобы та сияла».

Длинный палец коснулся очередной скатившейся капли. С интересом покрутив им перед носом, героиня решила, что семя чудовища внешне ничем неотличимо от мужского. Не сказать, что у Гераклии за плечами имелось много интимного опыта, но пару мужчин она знала. Те приезжали навестить Эврисфея, но в стенах дворца натывались на таинственную незнакомку, привлекавшую внимание с одного только взгляда.

«Горько!» — она отняла палец от губ и вытерла его о ключицы. — «Темнеет. Нужно остановиться и поужинать при храме. Запить маслом эту мерзость».

Её путь продолжался до самых Микен. И даже войдя в город, Гераклия не позволила себе отдыха, сразу же отправившись к ненавистному господину.

Тяжёлые створки тронного зала распахнулись. Эврисфей, развалившийся на мраморном троне, подскочил, едва не опрокинув кубок с вином. Его вечно бледное лицо вдруг вытянулось от ужаса. Он не ожидал увидеть гостью. Никогда. Он ожидал чего угодно иного: вести о её гибели, забыть её имени, но только не этого.

На пороге стояла Гераклия, облачённая в золотую шкуру с львиной гривой на плечах.

— Ты... ты жива?! — голос царя сорвался на визг. Он безумно вжался в спинку трона, пальцы побелели на подлокотниках. — Это невозможно! Немейский лев... он должен был разорвать тебя в клочья! Или ты... ты не пришла к нему!

— Должен был, — Гераклия шагнула ближе, и шкура зашуршала о каменный пол. — Но, как видишь, я здесь. И принесла то, что ты требовал.

Она дёрнула плечом, и львиная грива качнулась. Эврисфей тут же сглотнул. Страх боролся в его глазах с чем-то грязным и любопытным. Его взгляд скользнул по её бёдрам, едва прикрытым сломанной медной юбки, по округлым очертаниям лифа. Девушка хороша собой, этого он никогда не отрицал.

— Как... как ты одолела его? — прошептал мужчина, подаваясь вперёд вопреки ужасу. — Говорят, его шкуру не брал ни один клинок...

— Есть оружие помимо клинка, мой царь, — губы Гераклии тронула усмешка. — Но тебе ли не знать? Ты ведь послал меня на гибель. Думал, я умру побеждённая. Но ошибся. Зверь оказался... мягче.

Эврисфей задрожал. С одной стороны, перед ним стояла та, кого он желал уничтожить. С другой, её вид пробуждал в нём липкую, унижительную похоть. Он хотел коснуться этой шкуры и хотел прикоснуться к открытой бронзовой коже. Хотел унижить её снова, но не смел. Боялся. Она ведь...

«Это Немейский Лев! Даже отсюда я ощущаю величие его шкуры! Этот ворс... как она смогла? Ненавижу! Ненавижу её силу! Почему она, почему не?..»

— Уберись с глаз моих! — выкрикнул он, пряча страх за яростью. — Жди нового приказа! И не думай, что следующее задание будет столь же... снисходительным!

Гераклия медленно поклонилась, и в этом поклоне сквозила неприкрытая насмешка, нежели почтение.

Шкура блеснула, и Эврисфею на миг померещились очертания хищной морды чудища.

Ему захотелось отнять шкуру, бросить её к своим ногам, но девушка встрепенулась раньше, чем он приказал раздеться.

— Как пожелаешь, мой царь. Я готова к новым подвигам. В конце концов, — она задержалась у дверей, обернувшись через плечо. — Осталось всего одиннадцать лет терпеть тебя.

Глава 2. Лернейская гидра

Медные жаровни полыхали, наполняя тронный зал горьким дымом, заполнявший лёгкие любого вошедшего в зал.

Эврисфей сидел на мраморном троне совсем не величественно. Он вжался в спинку, поджав ноги, точно крыса, загнанная в угол котом, и бездумно взирал вперёд.

Перед троном, поперёк зала, виселась новенькая бронзовая решётка, заказанная им в лихорадочной спешке сразу после возвращения Гераклии.

Девушка вошла бесшумно, лишь львиная шкура прошелестела по каменным плитам.

Венок на голове царя покачнулся.

— Ты... ты стой там! — голос Эврисфея сорвался в свист. — За решёткой. Довольно и того, что вижу.

Гераклия остановилась. Шкура замерла тоже.

— Ты звал меня, государь. Я здесь.

— Звал, — мужчина облизнул сухие губы. — Твой первый подвиг... я признаю его. Шкура впечатляет. Но не думай, будто вторая задача окажется столь же снисходительной.

— Снисходительной? — её бровь изогнулась. — Ты называешь льва, чью шкуру не брал ни один клинок, снисходительным?

Гераклии стало смешно и тошно. Она носилась по Греции в поисках Льва, чуть не отдала богам душу, а этот человек... этот жалкий уже лысеющий человечешко...

Эврисфей заёрзал. Его пальцы теребили край пурпурного гиматия в то время как сам он пялился на округлые бёдра, едва прикрытые наспех починенной медной юбки.

— Довольно болтовни! — взвизгнул он. — Слушай новый приказ. Лернейская гидра. Знаешь ли ты, что это за тварь?

— Слыхала парочку храмовых слушков. Болотный жрец Посейдона. Девять щупалец. Проклят богами за невоздержанность.

— За невоздержанность, — хихикнул Эврисфей, и смех его гадко прорезал слух. — Он познал всех дев при своём храме, а после и самих жриц. Храм опустел. Боги проклинали его. Теперь каждая его конечность, как возбуждённый уд. И ненасытная. Говорят, куда проникает хоть одно щупальце, те врата закрываются навеки. Узри же, какая участь ждёт тебя.

Он жаждал страха. Жаждал дрожи оголённых коленей. Но Гераклия взирала ровно, только повела плечом, накрытым шкурой. И в блестящем мехе Эврисфей вновь углядел усмехающуюся морду.

— И это всё?

Щёки Эврисфея покрылись багровым румянцем.

— Всё?! Ты, дочь распутного Зевса, думаешь, что плоть твою выдержит девять орудий разом? Думаешь, женское естество твоё устоит против похоти, что сгубила целый храм?

Он вновь высмеивал её пол, вновь ставил женщину в один ряд со звериными самками в период течки.

— Мой государь. Ты столько говоришь о моём естестве, будто грезишь о нём наяву. Это пламя Геры тебя мучает или твоё собственное?

Царь захлебнулся гарью. Его лицо сделалось свекольным. Он резко вскочил, ткнул дрожащим перстом сквозь прутья решётки.

— Ты... ты заплатишь за дерзость! Не будь ты дочерью Зевса, я бы сам... я бы лично...

— Что? — она шагнула ближе, почти коснувшись грудью бронзы. — Что бы ты сделал лично?

Эврисфей отпрянул, рухнул обратно на трон. Его хитон предательски топорщился в паху. Эта женщина... она бесила и возбуждала и плоть, и разум! И никуда от неё нельзя было деться!

Он прикрыл срам подушкой и закричал, срывая голос.

— Ты отправишься в Лерну на рассвете! И не одна! Мой племянник Иолай пойдёт с тобой, станет свидетелем твоего позора. А коли вернёшься поруганной и растерзанной, пеняй на себя. Повеление отдано. Прочь с глаз моих!

Гераклия поклонилась. Именно так, как требовал того царь в своём присутствии. Только совсем не почтительно, как он мог желать.

— Как будет угодно моему государю. Я выступлю на рассвете.

Она развернулась и пошла к выходу. Шкура поволочилась по плитам. У самых дверей она остановилась и, не оборачиваясь, бросила через плечо.

— К слову, государь. Первый подвиг ты назвал снисходительным. Но ведь именно ты выбираешь мне задания, не так ли? Неужто ты, великий царь Микен, не способен придумать для меня ничего... посерьёзнее?

И вышла, оставив царя в одиночестве.

В жарком, пропитанном гарью зале, раздался лишь сдавленный хрип. И тихий, липкий звук, это царь Эврисфей, дрожа от унижения и похоти, вжимался подушкой в пах, проклиная богов, Гераклию и собственную мерзкую слабость.

Выжженная равнина сменилась каменистой тропой. Медные доспехи Гераклии тускло мерцали под полуденным солнцем, львиная шкура тяжело колыхалась на плечах.

За девушкой, отставая на полшага, спешил юноша. Иолай был худ, черноволос, с острыми, нервными скулами. Его хитон промок от пота у лопаток, а пальцы то и дело сжимали рукоять короткого меча. Без надобности, просто от волнения.

— Ты прежде сражался? — спросила Гераклия, не оборачиваясь. Если её и смущала чужая близость в походе, то девица этого никак не показывала.

В её голове зрел план, основанный на обрывках слухов о чуде.

— На ристалище, — голос юноши дрогнул. — С учебным оружием. Но то не в счёт.

— Верно. Не в счёт.

Она шагала ровно, не замедляясь. Иолай же, облизнув губы, с трудом набрался смелости. Ему хотелось разговорить немногословную собеседницу.

— Мой дядя... Эврисфей... он ведь не просто так послал меня с тобой. Ему нужен свидетель. Чтобы я увидел, как ты... ну...

— Как меня одолеет гидра?

— Он ждёт, что тебя... обесчестят, — выпалил юноша и тут же покраснел до корней волос. — Прости. Я не должен был...

— Почему же? — Гераклия наконец обернулась, и её рыжие волосы полыхнули на солнце. — Ты честен. Это редкое качество при дворе твоего дяди.

Иолай опустил взгляд и вдруг сбивчиво заговорил.

— Я ненавижу его. Он трус и пакостник. Когда ты ушла, он заперся у себя и кричал на слуг. А ночью... — юноша осёкся.

— Ночью? — её бровь изогнулась.

— Я слышал, как он... он мастурбирует, глядя на твои одежды. На сломанную броню, что ты оставила в оружейной. Он велел принести её в свои покои и... — Иолая передёрнуло. — Я не должен был этого слышать. Но стены дворца тонки, а его стоны... они были... жалкими.

Гераклия помолчала. Лёгкая усмешка тронула её губы.

— Так значит, моя броня теперь греет царские фантазии?

— Он жалок, — повторил Иолай. — И он боится тебя. До дрожи. Именно поэтому он спрятался за решётку. Именно поэтому посылает тебя на верную смерть. Ты снишься ему в кошмарах.

— Только в кошмарах?

Иолай снова покраснел. Гераклия отвернулась и зашагала дальше. Некоторое время они шли в молчании.

Солнце клонилось к закату, и от неба потянуло вечерней прохладой.

— Утром ты спрашивал, как я одолела льва, — неожиданно сказала девушка, нарушив вечернюю тишину. — Я тебе не отвечу. Но скажу иное. Чудовища, с которыми мы встретимся, сильны не только клыками. Они сильны тем, что заставляют нас стыдиться собственных желаний. Запомни это.

— Зачем ты мне это говоришь?

Юноша не понимал, о чём она. Или боялся понимать.

— Затем, что у Лернейских болот ты должен будешь стоять и смотреть. Из-за приказа царя. Что бы там ни происходило. Даже если увидишь такое, от чего голова покорёжится. Ты должен стоять и не вмешиваться. Иначе смерть. Моя. Твоя. Понимаешь?

Иолай сглотнул. Его кадык дёрнулся.

— Понимаю.

— Хорошо. Тогда разводи костёр. Заночуем здесь. К рассвету будем у болот.

Парень тихонько наломал сухого кустарника, высек искру. Пламя взметнулось ввысь, раскрасив их лица в багровый красный.

Иолай сидел напротив Гераклии, обхватив колени руками, и не мог отвести от неё взгляда. Она скинула шкуру, расстелила её на земле и легла, подложив ладонь под голову. Отблески огня скользили по её бёдрам, по медной юбке, по золотистой коже плеч.

— Ты боишься? — от женского голоса, парень вздрогнул.

— Боюсь, — признался он. — Но не гидры.

— А чего же?

— Я боюсь, что не смогу... что подведу тебя. Что не защищу... Что окажусь таким же жалким, как мой дядя. Я всю жизнь провёл в его тени и чувствую, что эта тень грязна. Я хочу быть другим, но не знаю как.

Гераклия приподнялась на локте. В её глазах плясало пламя. Парень ей нравился, но только как понимающий союзник в борьбе с общим врагом. С царём.

— Ты уже другой. Ты здесь. Ты сказал правду. Ты не спрятался за решётку. Завтра ты увидишь такое, после чего мальчики становятся мужчинами. Или бегут. Выбор за тобой. И... не нужно меня защищать. Не тебе. Не обычному смертному. Ты даже сражаться не умеешь.

Ей не нужно было, чтобы парень помешал бою, точно нет. Гераклия собиралась единолично срубить каждый уродливый отросток чудовища и притащить его в Микены, чтобы на блюдечке преподнести Эврисфею.

Иолай долго молчал. Потом тихо, почти шёпотом, спросил:

— Тот зверь... лев. Он был прекрасен или ужасен?

Гераклия улыбнулась, впервые не насмешливо, а почти тепло.

— Да. Он был великолепен.

— И ты его убила?

— Я его освободила. Спи, Иолай. Завтра нас ждёт болото и девять щупалец.

Она повернулась на бок и закрыла глаза. Иолай же ещё долго сидел, глядя на девушку. Его сердце колотилось где-то в горле. Впервые в жизни он не чувствовал себя племянником жалкого царя. Он чувствовал себя мужчиной, которому суждено увидеть нечто великое, и, возможно, поспособствовать настоящему подвигу.

В те времена совершение даже одного подвига считалось престижным, и героя, условно, требовалось почитать и поддерживать в твёрдой валюте. Гераклия же кроме порции унижений и самолично сорванного трофея, не получила ничего.

Костер догорал. Во тьме где-то далеко, со стороны Лерны, раздался низкий, вибрирующий гул: не то стон, не то смех. Иолай вздрогнул и придвинулся ближе к спящей Гераклии. Она не пошевелилась.

Спрятанный меч жёг парню ладонь. Иолай на миг даже взмолился, чтобы на них напал разбойник, и парень с лёгкостью смог бы отбить его атаку и покрасоваться перед симпатичной девушкой. Но... одновременно с этим парень мечтал, чтобы шум остался просто шумом и никто из не потревожил.

Потому что страшно.

Вода, подёрнутая зелёной ряской, доходила Гераклии до колен. Девушка шагала дальше, оставляя за собой следы.

Ей желалось поскорее выбраться из пропахшего тиной болота, омыться и высушиться. Но сначала... нужно уничтожить монстра, что уничтожает целые деревни в округе.

Затопленный храм Посейдона высился впереди. Оплывшие колонны, увитые водорослями, обозначили вход.

«Тварь рядом. Я чувствую», — Гераклия принялась, прислушалась оглянулась, но никакого движения не заметила. Только её спутник едва заметно кивнул.

Иолай остался на возвышении, на узкой каменной косе болота. Его пальцы мёртвой хваткой сжимали рукоять меча.

— Не вмешивайся, — бросила Гераклия, заметив волнение. — Что бы ни случилось.

— Но если он...

— Особенно если он. Стой и молчи.

Она вошла в разрушенный храм. Вернее, обогнула пару колонн.

Внутри так же пахло солью, тиной и мужским потом. Вода доходила здесь до пояса, холодная и густая, как масло. Гераклия скинула львиную шкуру и осталась в набедренной повязке, пластинчатом лифе и медных поножах.

— Выходи, жрец, — сказала она негромко. — Или ты боишься той, что победила Немейского Льва?

Тишина продлилась недолго, её оборвал смешок. Он шёл не из одной точки, а отовсюду, отражаясь от стен, булькая в воде, стелясь по самым тёмным углам. И из центрального провала в глубины, из-за алтаря, медленно поднялся незнакомец.

— Лернейская гидра, — медленно проговорила Гераклия, в ожидании вставая в стойку. Она не знала, чего ожидать и была готова встретить либо здоровенную разумную рыбу, либо лягушку с лицом мужчины.

Но девушк ошиблась.

Гидра был высок и жилист. Кожа его имела оттенок старой зеленоватой бронзы. Влажная от воды и ряски она мерцала в полумраке.

Лицо было бы почти человеческим и даже красивым: острые скулы, тонкий нос, полные губы притянули бы чей угодно взгляд. Два мутных изумруда глаз без зрачков, смотрели сквозь девушку и одновременно внутрь неё. По обнажённому торсу, по плечам и длинным рукам скользили рисунки змей, которые двигались, переплетались, словно жили собственной жизнью. Змеи даже двинулись по шее, покрытой блестящими чешуйками, и скрылись в зелёных волосах.

Но главное было ниже пояса. Там, где у человека находился бы пах, тело гидры плавно переходило в толстое щупальце, рассекающие поверхность воды. Оно казалось бледнее кожи,

покрытое рядами присосок и на конце утолщалось, образуя подобие головки. Когда гидра шевельнулся, щупальце медленно, лениво скользнуло в воду, словно просыпающийся удав.

— Дочь Зевса, — голос существа оказался низким и булькающим. — Слухи о тебе ползут быстрее, чем мои ноги. Я слышал, ты ублажила льва? Или он тебя?

— Подойди ближе и узнаешь.

Гидра расхохотался. Смех его перешёл в бульканье и затих.

— Ты вооружена. Это забавно.

— Мой меч станет последним, что ты увидишь в своей жизни.

— Твой меч, — мужчина выплюнул это слово, как невкусную рыбу. — Против меня бесполезен. Как и любой клинок. Как и любая сила. Ты знаешь, кто я?

— Жрец, познавший слишком много храмовых дев.

— Слишком много? — его губы растянулись в улыбке, влажной и широкой. — Боги решили, что я познал слишком много. Но знаешь, что я тебе скажу, дочь Зевса? Я не познал достаточно дев. Ни одна из них не была дочерью бога. Ни одна не дышала тем же пламенем, что и я.

Его щупальце всколыхнуло воду. Гераклия не могла оторвать от него взгляда.

Такой красивый мужчина, пусть и зеленовласый, но... отросток внизу. Девушка не знала, что и думать. Наверняка, возле гидры увивались девицы стаями, наверняка. И Гераклия почти могла бы их понять, ведь мужчина до невозможности хорош лицом и телом.

Однако сейчас... Гераклия незаметно вздохнула. Он проклятый богами монстр, которого она поклялась убить.

— Ты ведь горишь, — прошептал гидра, прерывая мысли. — Я чувствую этот жар. Он исходит от твоего лона, как пар от горячего источника. Проклятие Геры, верно? Я знаю толк в проклятиях.

Он повёл рукой вдоль своего тела. Нарисованные змеи встрепенулись, отливаясь изумрудным оттенком.

— Заключалось в том, что каждая моя конечность становится орудием похоти. И знаешь, что я понял? Это не проклятие. Это дар. Единственное, что боги умеют делать хорошо, так это завидовать.

— Ты много говоришь, — ответила Гераклия. Она ненавидела разговоры о своём проклятии. — И мало двигаешься.

— Я не спешу. Мне нравится... предвкушение. Девять лет я не видел новой плоти. Твоё тело пахнет солнцем и львом, — он принялся, раздувая аккуратные ноздри. — Ты носила его шкуру. Я чувствую его семя внутри тебя. Оно всё ещё там? Или ты выжгла его пламенем Геры?

Гераклия шагнула вперёд, сокращая дистанцию. Вода расходилась кругами от её бёдер. Гидра не отступил, только подался навстречу, и его единственное щупальце начало медленно подниматься из воды.

— Хочешь поиграть, смертная? — прошелестел он. — Давай поиграем.

Иолай, застывший на каменной косе, видел, как щупальце взметнулось из воды. Огромное, толщиной с руку взрослого мужа, оно изогнулось в воздухе и устремилось к Гераклии. Парень вскрикнул, не сумев сдержаться. Но тварь уже двигалась, да и быстрее, чем мог уследить глаз.

Короткий меч, подаренный незнакомцем возле царского дома, отсёк щупальце одним ударом. Кусок плоти шлёпнулся в воду, взметнув фонтан зелёных брызг.

— Да! Да! — Иолай издал победный вопль. — Ты...

И осёкся, округлив глаза.

Из обрубка, прямо на глазах, появились два новых щупальца. Они росли так стремительно, что было слышно, как растягиваются ткани. Оба были толще прежнего, оба заканчивались набухшими головками и оба немедленно устремились к Гераклии.

— О боги... — прошептал Иолай. Он едва держался на ногах, чтобы не свалиться в обморок напрямик в болото.

Гидра же рассмеялся, наблюдая за потрясёнными смертными. Он торжествовал, гремел под сводами храма, и вода дрожала от его голоса.

— Боги? Твои боги сотворили меня таким, мальчик! — крикнул монстр, не глядя на Иолая, но обращаясь именно к нему. — Каждая отрубленная конечность увеличивает мои силы. Каждый удар делает меня только сильнее. И взять тебя хочется сильнее. А ты, девочка, ты уже ударила меня. Можешь продолжать, если не боишься.

Разгневанная неудачей Гераклия рубанула снова. Одно из новых щупалец упало в воду, но на его месте выросли ещё два. Теперь их было три, затем четыре.

Её клинок кружился в вихре, но каждый новый удар лишь множил плоть врага. Одно за другим щупальца вздымались из воды, обвивали женские ноги, тянулись к талии. Их стало слишком много. Меч выпал из рук, утонул в тягучей жиже, и теперь Гераклия осталась безоружная, обвитая до пояса отростками. Ей оставалось только пытаться порвать их руками, но плотные склизкие от тины щупальца не поддавались. Их даже обхватить невозможно. Только гидра решает, где что трогать.

— Вот так, — проворковал монстр. — Теперь мы можем поговорить. Без железа. Плоть к плоти.

Иолай попятился. Его меч выскользнул из дрожащих пальцев и звякнул о камень, но парень даже не заметил этого. Его глаза не могли оторваться от происходящего, но разум кричал: беги, беги, беги, пока оно не взялось за тебя. Ноги сами понесли его назад, за груды камней, в укрытие, прочь, дальше от поля битвы, где уже отчётливо ясно, кто выйдет победителем.

— Гера... — попытался крикнуть он, но голос сорвался в сип. — Гераклия...

Иолай стыдился своего страха, но душасший ужас оказался сильнее гордости и ложного обещания защитить девушку. Она... останется в его памяти. Навечно. В памяти его живого тела.

— Твой мальчик сбежал, — заметил гидра. — Жаль. Я думал, он посмотрит. Мне нравится, когда смотрят.

— Тварь. Не зря боги прокляли тебя.

Гераклия тяжело дышала. Множество щупалец обвивали её бёдра, поясницу, плечи. Одно скользнуло по животу, забираясь под набедренную повязку. Оно было горячее воды, тёплое, как человеческая кожа. Только человеческие руки так не пульсировали.

Пламя Геры в груди полыхнуло в ответ, и девушка со стыдом и яростью ощутила, как собственное тело предаёт её. Соски напряглись, бёдра задрожали, а где-то внизу, там, где пульсировало щупальце, проклятие отзывалось горячей, ноющей пустотой.

Гераклия понимала, что Гера её ненавидела, иначе зачем превращать тело в сжатый комок предвкушения?

Героиня даже не заметила, как чудовище оголило её верх. Она только чувствовала, ощущала и пыталась убить в себе желание.

— Чувствуешь? — прошептал гидра прямо в ухо. Его тело приблизилось, почти касаясь её обнажённой груди. Запах мускуса ударил в голову. — Это божественное пламя. Оно во мне тоже есть. Когда-то я служил Посейдону, и он вдохнул в меня часть своей силы. Но Гера изгнала меня из храма и обрекла на вечный голод. А теперь... теперь ты пришла. И твой голод, дочь Зевса, такой же, как мой.

Его волосы удлинялись. Медленно, словно зелёные водоросли, они спускались ниже плеч, ниже лопаток, едва ли не до поясницы.

— Ты видишь? — выдохнул гидра, сжимая двумя щупальцами женскую грудь. — Я даже не притронулся к твоим дырочкам, а уже становлюсь сильнее. Что же будет, когда я проникну в тебя? Когда все мои щупальца познают тебя? Я опустошу тебя и наполню. Ты будешь кричать.

Одно из щупалец дерзко скользнуло между ног. Присоски впились во внутреннюю сторону бедра, и Гераклия невольно развела колени шире, на что гидра удовлетворённо заурчал.

— Вот так. Твоё тело знает, что делать.

Гераклия не кричала. Она не вырывалась. Она стояла, охваченная пульсирующей плотью, и смотрела прямо в изумрудные глаза. Её губы были плотно сжаты, её грудь вздымалась, а капли воды стекали по золотистой коже сверху вниз, очерчивая женственные изгибы.

В девушке боролись ярость воительницы и пламя Геры, и она ещё не знала, какая часть её сущности одержит верх.

— Ты так немногословна, — гидра подался ближе, и его лицо оказалось на расстоянии ладони от её лица.

Она видела каждую трещинку на его губах, каждую чернильную змею, что извивалась вокруг его ключиц.

— Боишься? Или... наслаждаешься? Вижу, вижу, что проклятой дочери Зевса нравится моё внимание. Она пришла за ним и получит сполна.

Гераклия молчала.

— Молчи, — кивнул он. — Молчание — золото. Когда я войду в тебя, я хочу слышать только стоны, а не слова.

Щупальце под повязкой дёрнулось, и ткань с треском лопнула. Медная застёжка упала в воду.

Гераклия осталась обнажённой, если не считать поножей. И если не считать обилия щупалец, что сами то прикрывали её наготу, то подставляли взору хозяина.

Отростки резвились, жили своей жизнью, даже дрались между собой, чтобы прикоснуться к влагилицу первыми.

Гераклия закрыла глаза. Пламя внутри разгоралось, и она чувствовала, как что-то внутри, похожее на самый первобытный инстинкт, начало просыпаться. Ещё более злое и порочное, чем прежде.

Льва она победила, оседлав его похоть. Здесь всё ощущалось иначе, сложнее, отчаяннее. Но ведь можно попытаться, Гераклия чувствует, что нужно, да и хочется показать чудовищу, что не оно здесь главное.

Не бороться. Принять. И победить.

Она открыла глаза.

— Ты сказал, — произнесла девушка. Её голос не дрогнул. — Что каждая отрубленная конечность делает тебя сильнее. И твою похоть. А что будет, если её... удовлетворить?

Гидра замер. Впервые за всё время его улыбка исчезла, сменившись удивлением.

— Что?

— Что будет, жрец? — повторила она, теряясь в эмоциях и ожидании. — Если ублажить каждое твоё щупальце? Все до единого?

Она положила ладонь на ближайшее щупальце, что обвивало её плечо, и медленно погладила. С конца щупальца вытекла густая капля смазки. Гидра вздрогнул.

— Не знаю, — признался он. Голос его впервые дрогнул. — Никто... никогда не пробовал.

— Тогда узнаем, — ответила она, едва вдохнув.

Щупальца сжали грудную клетку, задрожав в предвкушении. Они не собирались медлить, чудовищные отростки спустились ниже.

— Тогда... — вдохнула Гераклия изо всех сил, и её ладонь скользнула по ближайшему щупальцу, захватывая его, душа.

То дрогнуло.

Гидра невольно подался вперёд и осёкся, будто сам не ожидал такой реакции. Гераклия перехватила второе щупальце, то, что обвивало её бедро, и медленно, дразняще провела по

нему пальцами от основания до самой головки. Кожа щупальца была бархатистой и горячей, под ней перекачивались тугие мышцы. Присоски вздрагивали, цепляясь за ласкающую ладонь.

— Что ты делаешь? — выдохнул гидра. В его голосе больше не было насмешки.

— Ублажаю тебя, жрец. Разве не этого ты хотел? Ты же давно не знал новой плоти. Так смотри. Чувствуй.

Она обхватила ещё одно извивающееся около головы щупальце обеими ладонями и сжала мягко, но настойчиво, словно доила зверя. Щупальце забилося в её руках, а гидра запрокинул голову и издал звук, непонятно то ли стон, то ли всхлип. Его волосы длиной уже достигали талии и светились так ярко, что озаряли воду вокруг зеленоватым сиянием. Нарисованные змеи на его груди сплелись в клубок и замерли, пульсируя.

— Боги... — прохрипел он. — Что ты...

— Я ещё не закончила. У тебя их много. Сосчитаем?

— Воительница обучена грамоте? Математике? — язвил гидра, пытаясь отвлечь мысли и не раствориться в чувствах так быстро. Хотя зачем это ему? Он уверен в себе и своей силе, поэтому с извительной змеиной ухмылкой, монстр от удовольствия поджал кончики щупалец.

Гераклия продолжила ласку. Четыре щупальца обвивали её ноги, и она опустила в воду, позволяя им ещё интимнее тереться о её бедра, а сама взяла в рот пятое.

Гидра вспыхнул змеиными искрами по коже. Его тело выгнулось дугой, руки судорожно вцепились в женские плечи, мышцы на человеческом торсе вздулись, проступили вены, и он задышал очень-очень часто.

Ещё никогда жертвы не проявляли инициативу сами, всех приходилось брать силой, оттого и ощущения ощущались слишком новы.

— Тёплый... — прошептала Гераклия, отстраняясь на миг. — Ты горяч жрец. Таким жарким было твоё служение Посейдону?

— Не... не останавливайся...

— Я и не думала.

Она взялась за следующее. И за следующее. Одно щупальце обвило её талию, и она позволила ему скользнуть выше, к груди, и сама направила его, прижимая к соску. Присоски впились в нежную плоть, и девушка застонала, чувствуя, как пламя Геры отвечает на каждое прикосновение. Жар внизу живота стал почти невыносимым. Её собственное возбуждение сочилось разливалось бедрам, совсем не остывая в болотной воде.

— Ты пахнешь... — монстр не договорил, он сжал челюсти, не в силах сдерживать удовольствие. Сильное, безумное, подпалившее весь разум. — Я хочу... я тебя...

— Что? — девица усмехнулась, продолжая ласкать седьмое щупальце, пока три других тёрлись о её ягодицы и внутреннюю сторону бедер. — Проникнуть в меня?

— Да-а-а... — голодно простонал монстр.

— Ещё рано. Я не закончила считать.

Центральное щупальце, самое толстое, увенчанное не головкой, а целым венчиком, подобием хищного цветка, поднялось из воды. Оно заметно отличалось, чем и привлекло к себе внимание героини. Каждый его лепесток-присоска трепетал, ища прикосновения. От него пахло мускусом, солью и чем-то пряным, кружащим девичью голову.

— Вот ты где, давно не виделась, — она шептала еле слышно, но чудище всё равно реагировало на каждую ноту женского голоса. — Девятый.

— Я сейчас трахну тебя, — гидра держал девушку за плечи, притягивал к себе, но она, непокорная, всё вырывалась. Всё хотела сделать сама.

— Ты забыл, зачем я здесь, уродец? — шикнула на монстра Гераклия. — Это я тебя побеждаю.

Она должна была сама его взять, сама выжать из чудовища все соки, своими руками уничтожить его. Это её подвиг. И ради гадливого Эврисфея Гераклия готова обхватить самое боль-

шое щупальце обеими руками и направить к своему лону. Медленно, мучительно медленно. Для обоих. Даже героине хотелось поскорее испытать новые, незнакомые ей ощущения.

Крепкая головка едва коснулась её складок, как оба любовника замерли. Гидра глядел на неё изумрудными глазами, и в них впервые мелькнуло нечто похожее на страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.